

Научная статья

УДК 821.161.1; 82-312.7

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-134-141

Мотив мыши / мышеловки в романе В. Набокова «Отчаяние»

Елена Александровна Полева

Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия

polewaea@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

Аннотация

Исследуется мотив мыши / мышеловки в романе «Отчаяние» В. Набокова. Доказывается, что двойники-антагонисты центрального персонажа аллюзивно связаны с образами кота / льва, а в облике и поведении Германа прослеживаются ассоциации с образом мыши, который актуализирует семантику малости и корреспондирует с «Записками из подполья» Ф. М. Достоевского. Завершающий семантику мотива образ мышеловки отсылает к известной «гамлетовской» сцене, но она дана в трансформированном виде. «Мышеловкой» становится созданный персонажем текст, который в ситуации отсутствия очевидцев свидетельствует перед автором и против автора, проявляет несостоятельность замысла Германа избавиться от «мышинного» в себе и занять позицию хозяина своего бытия.

Ключевые слова

В. Набоков, литература русского зарубежья, мотив мыши / мышеловки, роман «Отчаяние»

Для цитирования

Полева Е. А. Мотив мыши / мышеловки в романе В. Набокова «Отчаяние» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 134–141. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-134-141

The Mouse/Mousetrap Motif in V. Nabokov's Novel *Despair*

Elena A. Poleva

Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russian Federation

polewaea@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

Abstract

Purpose. The article examines the mice/mousetrap motif which is “peripheral” (B. Gasparov) in V. Nabokov's novel *Despair*, but it is associated with the central motives of crime and punishment, self-identification, and relationships with a double.

Results. It is proved that the double-antagonists of the central character of the novel are allusively associated with the images of a cat / lion, and in Herman's appearance and behavior associations with the image of a mouse can be traced. A significant piece of clothing is the “mouse leggings” that Herman takes off and puts on Felix before killing him. An attempt to replace or borrow the name of his double-antagonists counterparts testifies to Herman's internal insecurity and dissatisfaction with himself.

The image of a mouse contains an allusion to *Notes from Underground* by F. M. Dostoevsky, and the final motif of the mouse, the image of a mousetrap, refers to the famous *Hamlet* scene. However, it is given in a transformed form in the novel: Herman appears as both a director, an actor, and a viewer, but does not feel remorse, does not sense a “trap”. Self-exposure occurs when Herman takes the position of the reader of his text.

© Полева Е. А., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 134–141

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 134–141

Conclusion. The text created by the character becomes a «mousetrap», and in the absence of eyewitnesses, it testifies against the author, who turned out to be mediocrity and a criminal, revealing the failure of Herman's plan to get rid of the "mouse" in himself and take the position of the "master" of his existence.

Keywords

V. Nabokov, literature of the Russian expatriate community, the mouse/mousetrap motif, the novel "Despair"

For citation

Poleva E. A. The Mouse/Mousetrap Motif in V. Nabokov's Novel *Despair*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 134–141. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-134-141

За последние десятилетия сложились магистральные направления исследования проблематики и поэтики прозы В. Набокова, с опорой на которые стал возможен анализ мотивов неочевидных, не замеченных набоковедами ранее.

Под мотивом понимается «повествовательный феномен», «интертекстуальный в своем функционировании и обретающий эстетически значимые смыслы в рамках сюжетных контекстов» [Силантьев, 2002, с. 32]. Б. Гаспаров отметил, что «в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое "пятно"», репродуцирующееся в тексте [Гаспаров, 1994, с. 30]. Мотивы разделяются на центральные и периферийные, но только «...все они в совокупности образуют незамкнутое поле, придающее смыслу романа черты открытости и бесконечности...» [Там же, с. 31]. В центре нашего внимания не ядерный, а периферийный в организации романа «Отчаяние» (1930–1931) мотив мыши / мышеловки. Тем не менее его анализ позволяет дополнить представления о мотивной структуре романа В. Набокова, об имплицитных способах выражения авторской позиции.

«Мышь» и однокоренные слова упоминаются в тексте романа всего 11 раз, однако неизменно для характеристики двух персонажей – Германа и Феликса, являющихся, по мнению недостоверного повествователя и одновременно фокализованного персонажа, двойниками. Более того, слова с корнем «мыш-» употребляются при описании узловых сюжетных положений: все три встречи Германа с двойником Феликсом, развязка истории убийства Германом двойника (как выяснилось, мнимого).

«Животный код романа Набокова "Отчаяние" представлен разнообразием фауны...», – отмечает Е. Г. Николаева [2021, с. 103]. Но в основном исследователи, как и сама Е. Г. Николаева, обращают внимание на *льва* в связи с образом антагониста центрального персонажа Ардалиона (см, например, [Смирнов, 2001, Николаева, 2021]) и анализируют аллюзивный план имени персонажа, в котором «спрятался» лев (-лион / Leon). Для нас же важен прямой смысл обнаруживаемой в имени ассоциации.

К этому, предвзято анализу мотива мыши / мышеловки, важно добавить ранее не замеченную учеными связь с семейством кошачьих и второго двойника-антагониста Германа – Феликса. Это имя у современников Набокова ассоциировалось с очень популярным мультфильмом, созданным в студии Пэта Салливана (1887–1933), о бездомном коте-бродяге Феликсе, которому были свойственны свободолюбие и способность выпутываться из самых сложных ситуаций и положений. Образ активно тиражировался в комиксах, игрушках и т. п. и был чрезвычайно популярен в США и Европе в течение 1920–1930-х гг. [Гаврилов, 2015].

Вероятно, Набоков изучал работы карикатуристов для создаваемого примерно в то же время, что и «Отчаяние», романа «Камера обскура». Ни разу не упомянув кота в тексте, писатель конструирует образ, ассоциативно связанный с популярным мультипликационным персонажем не только именем. Феликс в романе также бездомный бродяга. Большие лапы – отличительная черта изначального образа кота Салливана, а в романе подчеркиваются большие ступни Феликса – ему жмёт обувь Германа. Акцент на ступнях возникает в эпизоде, когда Герман уже после совершения убийства возмущается, что его уподобляют «каким-то олухам с вампирными наклонностями <...>. Был, например, такой, который сжег свой авто-

мобиль с чужим трупом, мудро отрезав ему ступни, так как они оказались не по мерке владельца» (Набоков, 1990, с. 451)¹.

Мышь впервые в романе упоминается именно Феликсом при первой встрече с Германом, т. е. в завязке сюжетных событий. Бродяга завершает рассказ об относительно устойчивом периоде своей жизни упоминанием о том, что он был владельцем мыши: «А одно время я играл на скрипке, и у меня была белая мышь» (с. 338). Попутно отметим, что образ музыканта, в том числе, семантически связан с мышами благодаря немецкой легенде о Гамельнском крысолове, который управлял грызунами при помощи музыки. Герман игнорирует информацию о том, что Феликс музыкант, дважды (при первой и второй встрече), и в целом весь семантико-образный код, связанный с мышью, отражает зону сознания не персонажа, а автора-создателя романа.

Если Феликс – владелец мыши, то признаки мышинового облика обнаруживаются в портрете Германа. Во вторую встречу на вопрос Германа об участии в войне «Здорово боялся, что убьют, – правда?» Феликс «...подмигнул и проговорил загадочно: “У всякой мыши – свой дом, но не всякая мышь выходит оттуда”» (с. 376). По верному замечанию Р. Барта, авторский код «загадка» служит для дополнительного привлечения внимания к некоей информации [Барт, 1989, с. 435]. Набоков ориентирует читателя в необходимости поиска смысла фразы, которую Герман понять не может, трактует как глупую, бессмысленную шуточку: «Я уже успел заметить, что он любит пошлые прибаутки в рифму; не стоило ломать себе голову над тем, какую собственно мысль он желал выразить» (с. 376). «В рифму» указывает на то, что эта фраза произнесена по-немецки: «Jede Maus hat ihr Haus, aber nicht jede Maus tritt aus dem heiaus». Ответ Феликса понятен в контексте их разговора: он намекает на трусость Германа, берегущего свою жизнь, не участвовавшего в Первой мировой войне за интересы Германии. Посредством этой фразы Феликс сравнивает Германа с мышью и дает собственную характеристику ему как трусу (ср. идиому в русском языке «дрожать, как мышь»).

Сравнение Феликсом Германа с мышью семантически перекликается с деталями одежды последнего. При первой встрече Феликс скользит взглядом по «дорогой бледно-серой материи» костюма Германа (с. 339). Эксплицитно в этом описании подчеркивается богатство владельца, а имплицитно – цветовая характеристика одежды, соответствующая типичному окрасу мыши. На вторую встречу с Феликсом (чтобы проверить сходство, подступаясь к еще невызревшему плану убийства двойника с целью подмены) Герман надевает «мышинные гетры». На первый взгляд прилагательное «мышинные» – лишь обозначение цвета и фактуры одежды Германа, призванное в полной мере воссоздать парадный портрет уверенного в себе, с хорошим достатком мужчины. Причем лексическим повторением Набоков акцентирует эту деталь образа: «...шагаю я ладно, выбрасывая ноги носками врозь, – не по росту моему маленькие, в идеально чистой и блестящей обуви, в мышинных гетрах, – гетры то же что перчатки, – они придают мужчине добротное изящество...» (с. 371). Однако в контексте развития мотива мыши / мышеловки деталь приобретает иное значение: Герман соотносится с ‘мышью-жертвой’. Именно эти гетры Герман наденет поверх других, чтобы переодеть в них Феликса, а затем убить его: «Далее я надел две пары носков... черные башмаки, мышинные гетры...» (с. 425). Перед убийством «...я разделся, кинул ему верхнюю оболочку моего белья...» (с. 435). Пиджак, снятый с себя и надетый на Феликса, также мышинового («темно-серого») цвета.

Семантику жертвы, связанную с образом мыши в романах В. Набокова, отметила В. Ю. Лебедева, анализируя «Камеру обскуру». Там центральный персонаж, богатый бюргер и эстет (как и Герман, *вроде бы* находящийся в положении хозяина жизни), ближе к финалу оказывается фактически в заключении, терпит фиаско, и исследователь тонко подмечает: «Сам ослепший Бруно носит халат мышинового цвета <...> образ этого животного указывает на роль жертвы», «серый цвет визуализирует у Набокова переход от витальности к морталь-

¹ В дальнейшем ссылки на исследуемый роман приводятся в тексте с указанием в круглых скобках страницы.

ности...» [Лебедева, 2015, с. 41]. В «Отчаянии» этот мотив сопровождает сюжетную линию взаимоотношения Германа с двойником и концентрированно дан в линии подготовки и совершения убийства.

Черты мыши в поведении (трусость), одежде (серый цвет) проявляют бессознательно низкую самооценку Германа², а желание сделать жертвой (мышью) не себя, а двойника – вполне осознанные цели: быть не жертвой обстоятельств, а «хозяином своей жизни» и «деспотом своего бытия» (и не только своего) (с. 435).

Переодевая Феликса в свои «мышинные гетры» и присваивая себе его имя, Герман выступает в роли хищника, а Феликс, которого убивают, – в роли жертвы. Ровно ту же мену ролей, по сути, пытается осуществить Герман со своим вторым «оппонентом» Ардалионом (что уже многократно комментировалось набоковедами, в том числе в указанных выше работах): убийство Герман совершает на его участке, для переписки с женой присваивает его имя (с. 459). Он использует собственность Ардалиона для достижения собственных целей. На имена обоих визави (связанных с кошачьей семантикой) Герман претендует после совершения убийства, актуализируя этимологическое значение «мыши»: от «др.-инд. *mōṣati*, *muṣati*, *muṣṇāti* – “ворует”» [Гура, 1997, с. 404].

Несмотря на пренебрежительное и даже брезгливое отношение к физической нечистоплотности своих двойников-антагонистов – Феликса и Ардалиона, высокомерное отношение к их низкому социальному статусу (оба «мужики», представители «простого народа», бездомный бродяга и эмигрант, не имеющий своего жилья), бессознательно Герман проявляет зависть к их самодостаточности, внутренней независимости, хотя оба нищие и не прочь воспользоваться его деньгами. Как подметила Т. Г. Мастепак, убийство двойника «для Германа становится неудавшимся актом самоутверждения и перерождения. Сменив внешность и присвоив чужое имя, он не изменил свою сущность, не обрел цельности и цели существования. Условного перемещения-превращения в другого человека не произошло...» [Мастепак, 2018, с. 115].

Последние главы фиксируют провал замысла убийства-подмены для освобождения от своего прошлого и начала жизни под другим именем, в статусе признанного всеми гения, как криминального, так и литературного. Герман отчаянно пытается убедить себя и окружающих, что его личность соответствует новому имени, но эмоциональность речи выдает внутренние сомнения: «Да и как я могу отрешиться от имени, которое с таким искусством присвоил? Ведь я же похож на мое имя, господа, и оно подходит мне так же, как подходило ему. Нужно быть дураком, чтобы этого не понимать» (с. 451). Переодевание другого в свою одежду и его убийство не оборачивается исчезновением «мышинового», мелкого в самом себе.

После совершения убийства Герман обретает облик, похожий на звериный; он это отмечает, но не рефлексирует: «Из всех пор прет волос. По-видимому, внутри у меня были огромные запасы косматости. Скрываюсь в естественной чаше, выросшей из меня» (с. 345). А описывая свои последние дни перед арестом, Герман дважды фокусирует внимание на мышеловке, хлопка которой он ожидает. На это обратила внимание М. Гург, указав на интертекстуальную связь данной детали: «...эмблематичная мышеловка, которая украшает его (Германа. – Е. П.) комнату накануне ареста, вызывает ассоциации с мышью “Записок” (Ф. М. Достоевского. – Е. П.)» [Гург, 1999, с. 205]. Замечание исследовательницы опосредованно подтверждает наличие мотива мыши / мышеловки в романе и его интертекстуальный потенциал.

Несмотря на известную критику Набоковым творчества Достоевского, пародийные и диалогово-дискуссионные связи романа «Отчаяние» с прозой классика убедительно доказаны исследователями (см.: [Сараскина, 1993, Гург, 1999, Середенко, 2000; Таганова, 2012] и др.),

---

² Хотя внешне персонаж декларирует уверенность в себе, он оговаривается и по поводу собственной творческой несостоятельности, так как не может создать художественный текст, отличный от шаблонов массовой литературы, и по поводу личностной неуспешности – как в бизнесе (его «шоколадное дело» разорено), так и в отношениях с женой (стремление избавиться от Ардалиона объясняется неосознанной ревностью).

поэтому наблюдение М. Гург представляется небеспочвенным и указывает на набоковский прием смещения на периферию образов, которые у Достоевского даны эксплицитно. Й. Догнал отмечает подчеркнутую при помощи рефрена мысль рассказчика «Записок из подполья»: «человек, чувствующий себя мышью, – это “антитеза нормального человека”» [Догнал, 2021, с. 75]. Мыши у Достоевского уподобляется неестественный, «ретортный» человек с повышенной рефлексивностью, существующий в мире искусственных идей, но при этом пасующий перед обстоятельствами и перед человеком «естественным», что развивает в нем скрытую злобу и жажду мести. Повествователь «Записок из подполья» объясняет зависть «ретортного» человека с запутанной самоидентификацией – человеку «природному», который, может, и глуп или социально неуспешен, но живет в гармонии с собой и миром. Й. Догнал резюмирует: «Природный, естественный человек действует в согласии со своими эмоциями, не управляет ими, не чувствует неизбежности кем-нибудь стать, кем-нибудь сделаться, по каким-нибудь правилам думать и поступать, он просто есть» [Там же, с. 76]. «Ретортный» человек, в отличие от «естественного», живет не в согласии с «законами природы», потому что их невозможно игнорировать, обойти, а подчиняться им «обидно». Утверждая это, рассказчик «Записок...», по сути, объясняет причины бунта человека-мыши против бытийного миропорядка и стремления «переписать» онтологические правила, утвердить свои.

Набоков, описывая отношения Германа (человека-мыши, в трактовке рассказчика «Записок из подполья») с «природными» людьми Феликсом и Ардалионом, по-своему рецепирует поставленную в тексте Достоевского проблематику. Автор романа фиксирует неприятие Германом «природного» человека на рациональном уровне и одновременно иррациональную тягу к нему, зависть, выраженную в стремлении присвоить или использовать по своему усмотрению то, что принадлежит Феликсу и Ардалиону.

У Набокова исследуемый мотив имплицитно участвует в разрешении темы «тварь ли я дрожащая или право имею?», причём не только на отнятие жизни другого для изменения социальных порядков, но и для освобождения от онтологических законов. Ведь социально-юридическая сторона дела для Германа не является внутренней коллизией, для него раскольниковская дилемма неактуальна: он изначально считает, что вправе совершить преступление. Замысел его масштабнее: он хочет остаться жив, погибнув, и вину за убийство возложить на саму жертву. Но здесь-то и вскрывается главное противоречие. Убийца убеждает, что он теперь другой, т. е. Феликс, и одновременно отказывается от вины за убийство и, следовательно, от того, что он Феликс: «Не я искал убежища в чужой стране, не я обрастал бородой, а Феликс, убивший меня» (с. 440). При любом из двух вариантов получается, что избавиться от «мышьиного» в себе не получилось.

О недостижении планов центрального персонажа свидетельствует образ мышеловки. Первый раз она упоминается в связи с гневным письмом Ардалиона, на которое Герман реагирует такой «дрожью» (опять ассоциативно вспоминается идиома «дрожать, как мышь»), «что все кругом затряслось, – стол, стакан на столе, даже мышеловка в углу новой моей комнаты» (с. 425). Второй раз – в ситуации ожидания казни: «Сейчас, дрожая в студеной комнате, проклиная лающих собак, ожидая, что в углу с треском хлопнет мышеловка, отхватив мыши голову...» (с. 425). Образ попавшейся и обезглавленной мыши метафорически передает крах замыслов и финал его жизни.

Подмена и с Ардалионом, и с Феликсом по-настоящему не состоялась. Центральный персонаж пытается присвоить биографию Феликса, повторяя в числе прочего умение играть на музыкальном инструменте и непонятную ему фразу о мыши («Играл на скрипке. <...> У всякой мыши есть свой дом...» (с. 439)), но у него не получается. Герман ощущает, что потерял свою прежнюю жизнь и биографию, а новую, желанную для себя, не приобрел. Более того, даже мертвый, убитый им Феликс как бы переигрывает его и обеспечивает наказание своего убийцы, оставив на месте преступления палку со своим вырезанным именем. Проигрывает персонаж-повествователь и Ардалиону, оказавшемуся вследствие его исчезновения

удачливым соперником в любви, что проявляется во сне Германа: «...нашел наконец скрывавшуюся от меня Лиду, которая спокойно сказала мне, что все хорошо, наследство она получила и выходит замуж за другого, ибо меня нет, я мертв» (с. 455).

Образ мыши в этом контексте связан с обманом, даже самообманом: стремящаяся даром полакомиться мышшь становится жертвой, попадая в ловушку. Причем горечи Герману придает внезапное осознание того, что он угодил не в чужую «мышеловку», а в свою собственную. Он перебирает разные причины непризнания его гениальности: ущербность зрения других; предвзятость критика, оценивающего произведение (убийство) заведомо неприятного ему автора; ограниченность «толпы». Но в финале обнаруживает свой промах и впадает в отчаяние: «Я стоял над прахом дивного своего произведения, и мерзкий голос вопил в ухо, что меня не признавшая чернь может быть и права...» (с. 457). Захлопнувшаяся мышеловка в ожидании собственной казни аккумулирует развитие исследуемого мотива в романе.

Принципиально, что разоблачает творческую несостоятельность персонажа и совершенное им преступление память и созданный им текст. Эпизод убийства Феликса включает черты театральности: «театральной декорацией плоско серел лес»; разговор с «двойником» он интерпретирует как «оперный» («Отрывок из оперы кончился...»), внешний вид Феликса сравнивается с «гримом» (с. 432). Преступление как бы разыгрывается на сцене, возникает аллюзия на шекспировскую «мышеловку», семантика которой включает значения ловушки и разоблачения преступника. Однако «гамлетовский» эпизод в романе трансформируется, так как преступник выступает в качестве актера и лишь позднее, во время описания событий в тексте – в качестве зрителя. Но он не ощущает ни вины, ни раскаяния. И тем не менее эта сцена оказывается «мышеловкой», что осознает Герман, читая ее описание, т. е. сменив позицию с писателя на читателя. В отсутствие очевидцев текст «свидетельствует» против своего автора, оказавшегося бездарностью и преступником: «Никогда в жизни я не был так удивлен... Я сидел в постели, выпученными глазами глядя на страницу, на мою же <...> написанную фразу, – и уже понимал, как это непоправимо» (с. 457).

Мотив мыши / мышеловки в «Отчаянии» на первый взгляд относится к мотивной периферии произведения, однако его анализ позволяет сделать вывод, что он участвует в движении основных тем романа и является имплицитным средством раскрытия авторской позиции. Развитие мотива мыши / мышеловки в полной мере отражает сюжетную логику, поддерживая семантику убийства с целью подмены как неудачного способа разрешения внутренних противоречий мелкой личности, притязающей на исправление «книги природы».

Список литературы

- Барт Р.** Текстовый анализ одной новеллы Э. По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 249–262.
- Гаврилов А.** «Кот Феликс» – самый успешный сериал Америки // ПрофиСинема. 2009. 23 апр. URL: <http://www.proficinema.ru/questions-problems/articles/detail.php?ID=57210> (дата обращения 03.03.2024).
- Гаспаров Б. М.** Литературные лейтмотивы. М.: Наука, 1994. 303 с.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гург М.** Набоков, наследник поэтики Достоевского в повести «Отчаяние» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 12 / Общество Достоевского; ред.-сост. К. А. Степанян. М.: Раритет-Классика плюс, 1999. С. 202–209.
- Догнал Й.** Несколько заметок по поводу образа мыши в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Отечественная филология. 2021. № 3. С. 73–80.
- Лебедева В. Ю.** Визионерские мотивы в романе В. Набокова «Камера обскура» // Филологос. 2015. № 27 (4). С. 38–42.

- Мастепак Т. Г.** Мотив перемещения и семантика культурно-географических топов в романе В. Набокова «Отчаяние» // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2018. Вып. 6 (195). С. 112–119.
- Николаева Е. Г.** Животный код в романе В. В. Набокова «Отчаяние»: еще раз к вопросу о «львином» начале в образе Ардалиона // Текст и контекст: литературно-культурные связи: Монография / Под ред. Н. В. Константиновой. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2021. С. 103–110.
- Сараскина Л.** Набоков, который бранится (Набоков и Достоевский) // Октябрь. 1993. № 1. С. 176–189.
- Середенко И. И.** Достоевский в пространстве романа В. Набокова «Отчаяние» // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2000. Вып. 6 (22). С. 28–30.
- Силантьев И. В.** Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. 2002. № 5. С. 32–60.
- Смирнов И.** Art à Lion // Набоков: pro et contra. Антология: В 2 т. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 2001. Т. 2. С. 730–740.
- Таганова Н. Л.** В. Набоков и Ф. М. Достоевский: вечный диалог // Соловьевские исследования. 2012. № 1 (33). С. 123–130.

Список источников

- Набоков В.** Отчаяние // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3. С. 333–462.

References

- Barth R.** Tekstovyi analiz odnoi novelly E. Po [Textual analysis of one short story by E. Poe]. In: Barth R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics]. Comp., ed. by G. K. Kosikov. Moscow, Progress, 1989, pp. 249–262. (in Russ.)
- Gavrilov A.** “Kot Feliks” – samyi uspekhnyi serial Ameriki [“Felix the Cat” is America’s most successful TV series]. *ProfiSinema*, 2009, April 23. (in Russ.) URL: <http://www.proficinema.ru/questions-problems/articles/detail.php?ID=57210> (accessed: 03.03.2024).
- Gasparov B. M.** Literaturnye leitmotivy [Literary leitmotifs]. Moscow, Nauka, 1994, 303 p. (in Russ.)
- Gura A. V.** Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 912 p. (in Russ.)
- Gurg M.** Nabokov, naslednik poetiki Dostoevskogo v povesti “Otchayanie” [Nabokov, the heir to Dostoevsky’s poetics in the story “Despair”]. In: Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Al'manakh no. 12. Obshchestvo Dostoevskogo [Dostoevsky and World Culture. Almanac no. 12. Dostoevsky Society]. Comp., ed. by K. A. Stepanyan. Moscow, Raritet-Klassika plus Publ., 1999, pp. 202–209. (in Russ.)
- Dognal I.** Neskol'ko zametok po povodu obraza myshi v “Zapiskakh iz podpol'ya” F. M. Dostoevskogo [A Few Notes on the Image of the Mouse in F. M. Dostoevsky’s “Notes from Underground”]. *Otechestvennaya filologiya* [Russian Studies in Philology], 2021, no. 3, pp. 73–80. (in Russ.)
- Lebedeva V. Yu.** Vizionerskie motivy v romane V. Nabokova “Kamera obskura” [Visionary motives in V. Nabokov’s novel “Camera Obscura”]. *Filologos* [Philologos Magazine], 2015, no. 27 (4), pp. 38–42. (in Russ.)
- Mastepak T. G.** Motiv peremeshcheniya i semantika kul'turno-geograficheskikh toposov v romane V. Nabokova “Otchayanie” [The motive of displacement and the semantics of cultural-geographical topoi in V. Nabokov’s novel “Despair”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2018, iss. 6 (195), pp. 112–119. (in Russ.)

- Nikolaeva E. G.** Zhivotnyi kod v romane V. V. Nabokova “Otchayanie”: eshche raz k voprosu o “I’vinom” nachale v obraze Ardaliona [Animal code in V. V. Nabokov’s novel Despair: once again on the issue of the “lion” principle in the image of Ardalion]. In: Konstantinova N. V. (ed.). Tekst i kontekst: literaturno-kul’turnye svyazi [Text and context: literary and cultural connections]. Monograph. Novosibirsk, NSPU Press, 2021, pp. 103–110. (in Russ.)
- Saraskina L.** Nabokov, kotoryi branitsya (Nabokov i Dostoevsky) [Nabokov, who swears (Nabokov and Dostoevsky)]. *Oktyabr’* [October], 1993, no. 1, pp. 176–189. (in Russ.)
- Seredenko I. I.** Dostoevsky v prostranstve romana V. Nabokova “Otchayanie” [Dostoevsky in the Space of V. Nabokov’s Novel “Despair”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2000, iss. 6 (22), pp. 28–30. (in Russ.)
- Silantev I. V.** Motiv kak problema narratologii [Motive as a problem of narratology]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2002, no. 5, pp. 32–60. (in Russ.)
- Smirnov I.** Art à Lion. In: Nabokov: pro et contra. Antologiya. In 2 vols. St. Petersburg, Izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2001, vol. 2, pp. 730–740. (in Russ.)
- Taganova N. L.** V. Nabokov i F. M. Dostoevsky: vechnyi dialog [Nabokov and F. M. Dostoevsky: Eternal Dialogue]. *Solovievskie issledovaniya* [Soloviev Studies], 2012, no. 1 (33), pp. 123–130. (in Russ.)

List of Sources

- Nabokov V.** Otchayanie [Despair]. In: Nabokov V. Complete Works. In 4 vols. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 3, pp. 333–462. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Александровна Полева, кандидат филологических наук, доцент
Scopus Author ID 57211584072
WoS Researcher ID AAQ-9167-2021
RSCI Author ID 496799
SPIN 2384-2459

Information about the Author

Elena A. Poleva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Scopus Author ID 57211584072
WoS Researcher ID AAQ-9167-2021
RSCI Author ID 496799
SPIN 2384-2459

*Статья поступила в редакцию 23.08.2024;
одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 02.09.2024
The article was submitted on 23.08.2024;
approved after reviewing on 29.08.2024; accepted for publication on 02.09.2024*